

Винцесь Мудров

СТРАНА
огненных птиц

*Историко-публицистический очерк «Страна
огненных птиц» был написан еще в
«доинтернетную» пору, но тем не менее не
потерял своей актуальности и будет интересен
как широкому кругу читателей, так и тем, кто
собирается посетить Албанию.*

Винцесь Мудров

СТРАНА ОГНЕННЫХ ПТИЦ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Ходячий утопленник, убогая роскошь, зияющие высоты... Подобные сочетания семантически контрастных слов называют оксюморонами. Напишите рядом «береза» и «Фергана», и вы сразу ощутите невозможность такого соседства в реальной жизни: нечего делать березе в Ферганской долине, не выживет она там.

Оксюмороны — порождение господ литераторов и существуют обычно только на бумаге, оно и понятно: литература весьма мало связана с жизнью, она лишь жизнеподобна. Поэтому переход оксюморонов в реальность носит откровенно патологический характер. Допустим, вы слышите, что спикер киргизского меджлиса прибыл с официальным визитом в Вашингтон. «Странно, — думаете вы, — почему до сих пор спикер меджлиса Гондураса не прибыл в Москву?»

Давным-давно, в счастливое застойное лихолетье (счастливое лихолетье!), русским юношей Витей Мудровым овладели две иррациональные страсти: любовь ко всему белорусскому и любовь к незаметной европейской

стране, находившейся от возлюбленной Белоруссии в полутора тысячах километров. Написать рядом «Белоруссия» и название этой совершенно чужой страны — и получится типичный оксюморон. Когда русский юноша Витя Мудров подрос и превратился в белорусского прозаика Винцеса Мудрова, он пошел еще дальше. Объединил две страсти в одну и написал очерки об этой незаметной стране — можно жизнь прожить, а о ней не услышать, — на белорусском языке! Таким образом был достигнут эффект шокирующего контраста.

Дело в том, что белорусский язык не более заметен, чем та *terra incognita* среди Европы, о которой пойдет речь. Белоруссия — единственная из республик бывшего СССР, где не выполняется закон о придании статуса государственного языку коренного населения. Это не Украина и уж тем более не Молдавия с Литвой. Кроме дикторов и ведущих гостелерадио и тонюсенькой прослойки национально ориентированных интеллектуалов, белорусским никто в быту не пользуется, даже учителя и преподаватели этого языка. В газетах на белорусском зачастую только шапка — название издания. Литература на белорусском выпускается ничтожными тиражами, но и она годами пылится на магазинных стендах, к которым никто не подходит.

В средние века белорусский был распространен значительно шире. Древнейший

документ на этом языке — послание смоленского (!) князя от 1229 года. В Великом княжестве Литовском белорусский длительное время был государственным, однако сами белорусы никогда собственной государственности не имели и постоянно находились под тем или иным владычеством. Процессы полонизации и русификации поставили в конце концов белорусский язык на грань исчезновения. Последние удары ему наносились уже при советской власти — в частности, в 1933 году была проведена реформа письменности, и сейчас сторонники национального возрождения, включая и В.Мудрова, пользуются дореформенной версией, «с мягкими знаками» (белорусские слова как слышатся, так и пишутся, поэтому после мягких согласных положено ставить мягкий знак, как, например, в слове «песьня»; сталинская реформа помимо прочего запретила подобное употребление мягкого знака).

Мудров совместил два раритетных объекта, столь малозаметных, что едва ли не мнимых, — географический и лингвистический. В мире логики его поступок необъясним: писательская душа — головоломный лабиринт, полный туманов и дымовых завес, искаженных теней и призраков. «Люби все то, что редко и мнимо», — завещал Владимир Набоков.

Мудров полузабытым-полузабытым языком рассказал о полузабытой-полузабытой стране. Публикация попала в посольство этой страны в Москве. Сотрудники посольства и журналисты в основном неплохо владеют русским языком. По-белорусски они не сумели прочитать ни строчки. «Что такое «дзеці»? — спрашивали они потом Мудрова. — И что такое «ён»? Собственно, и не всякий человек, для которого русский язык родной, догадается, что «дзеці» это «дети», а «ён» это «он».

Винцеся Мудрова пригласили в Москву и представили послу. Он был поражен знаниями гостя о своей стране. Во время беседы белорусский прозаик схватил лист бумаги и стал увлеченно показывать, по каким горам и долинам проходила давно демонтированная железная дорога. Посол ничего не знал о ней и посмотрел на секретаря по культуре: может, тот, старший по возрасту, подтвердит или опровергнет информацию гостя? Секретарь не на шутку задумался и вдруг воскликнул: «Да-да, я помню, меня мальчиком возили к родственникам именно по этой узкоколейке!»

Когда я предложил Мудрову сделать русский перевод очерков и напечатать их в хорошем российском журнале, он сказал: «Тебе что, делать больше нечего? Ну, кому это нужно!»

Люби все то, что редко и мнимо, — напомнил я себе. А затем обзавелся дореформенным и послереформенным словарями, отложил в сторону недописанный роман «В логове Сиона-2» и превратился в переводчика.

Александр Черницкий

* * *

Тихими вечерами, в часы, когда даль еще не затуманена и когда вода за бортом приобретает удивительный лазурно-зеленый оттенок, на палубах круизных теплоходов бывает тесно от пассажиров. Статные дамы в белых шортах, их утомленные круизной любовью седоголовые спутники, шоколадно-загорелые обольстительные девицы, спортивного вида парни в широченных «бермудах» и прочая публика стоят в это время на палубах и, опершись руками о перила, зачарованно глядят вдаль — туда, где бирюзовые волны Адриатики шумно встречаются с берегом, где склоны гор опалены розовым светом гаснущего солнца, расчерчены острыми тенями кипарисов и усыпаны светлыми точками каких-то странных, похожих на белых черепах, сооружений. «Черепахи» эти извилистой цепью лежат вдоль побережья, в

полном беспорядке ползут по горам, и пассажиры теплоходов, впечатленные таким явлением, начинают громко обсуждать, что бы это могло быть.

Обсудив, путешественники решают, что это, скорей всего, дачные домики оригинальной конструкции, но немногочисленные пассажиры, у которых в руках бинокли, не соглашаются с этим: для жилья «черепахи» слишком малы. Статные дамы начинают беспокоиться, вертеть головами, их седые спутники с погасшими сигаретами в губах выхватывают друг у друга бинокли, и это продолжается до тех пор, пока на палубе не появится какой-нибудь старый морской волк. Приостановившись на миг, он приложит к кустистым бровям ладонь, после чего сипло выдохнет:

— Идем возле Албании. Это там у них доты понатыканы...

На мгновение воцарится тишина, и круизники вспомнят, что есть такая страна — Албания, про которую никто ничего не знает и в которую никогда не заходят крупные круизные теплоходы.

БЕТОННЫЙ БУНКЕР КАК ФАКТОР ИСТОРИИ

1968 год отмечен на скрижалях Клио

студенческим бунтом в парижском Латинском квартале, спасением тов. Брежневым социалистических завоеваний в Чехословакии и пуском в эксплуатацию цементного завода в албанском городе Фуше-Круя. Кто-то, видимо, улыбнется, прочитав эти строки, а потому, используя творческую манеру Альбера Камю (Камю, как известно, любил побеседовать на страницах своих произведений с воображаемым оппонентом), повторимся: «Да, уважаемые, — цементного завода в Фуше-Круя». А в ответ на обвинения в несоответствии последнего звена предложенной цепочки событий первым двум предложим оппонентам закрыть глаза и представить себе пространство площадью в двадцать восемь тысяч квадратных километров, а на этом пространстве — семьсот тысяч бетонных дотов. Одинаковых, трех-четыре метров в диаметре огневых точек, с полукруглым верхом и узкими щелями амбразур.

...Доты в Албании — на страх врагам и на удивление потомкам — стоят повсюду: на берегу моря и на перекрестках дорог, в городских парках и на сельских улицах, у подножия высоких гор и на самых высоких вершинах, где они скрыты от человеческих глаз белыми шапками облаков. Эти железобетонные фортеции были изготовлены на упомянутом фуше-круйском заводе и по плану

диктатора Энвера Ходжа (албанцы называют его просто Энвером) и должны были превратить Албанию в неприступный бастион социализма на Балканах. Согласно этому плану, дотов необходимо было установить около трех миллионов — как раз столько, сколько жителей в стране, чтобы каждый, даже ребенок, мог занять в час суровых испытаний свою огневую точку и дать сокрушительный отпор возможным агрессорам — американо-английским империалистам и советским социал-империалистам.

Полностью реализовать предназначения великого вождя, однако, не удалось. В 1985 году вождь умер, процесс дотизации остановился, и более двух миллионов албанцев так и не познали счастья занять индивидуальный железобетонный бункер. Таким образом, «бункерное мышление», которое было свойственно коммунистическим лидерам многих стран, у лидера албанских коммунистов приобрело просто параноидальную форму.

Сегодня албанцы не очень любят вспоминать Энвера, стараясь к тому же как можно быстрее убрать с глаз следы его эпохи. Бетонные бункеры обкладываются дерном, что делает их менее заметными; длиннющие, похожие на громоотводы шести с острыми пиками на концах, которыми были сплошь уставлены огороды и виноградники

(на случай приземления вражеских парашютистов) давно спилены; на горных дорогах установлены, наконец, дорожные указатели (во времена Энвера их не устанавливали по стратегическим соображениям). Албания превращается в открытую демократическую страну, однако призрак великого вождя еще долго будет врываться в людские сны и тревожить память гордых албанцев.

Читая эти строки, кто-то из читателей может увидеть за всеми этими обвинениями неприкрытую советчину. И впрямь — слишком по-советски получилось. Обвинил во всех грехах великого вождя и по старой советской традиции подытожил сказанное проникновенно оптимистической фразой. Это сейчас, с высоты сегодняшнего дня, идея дотизации кажется бессмысленной и абсурдной. Но казалась ли она такой самим албанцам в достопамятном 1968 году? И еще: когда какая-то идея овладевает массами, значит, на то есть свои причины. И вот, чтобы разобраться в этих причинах, нам придется снова взглянуть с высоты сегодняшнего дня, но уже не на события двадцатипятилетней давности, а на то, что скрывается за дымкой столетий.

Албания, так же, как и наша Белоруссия, лежит на укатанных дорогах между Востоком и Западом. Клочок земли, который прильнул к Адриатическому морю в непосредственной

близости от итальянского берега, всегда притягивал к себе пристальные, а временами и алчные взгляды завоевателей, купцов, императоров, и потому вся история этой страны представляет собой бесконечную череду войн, резни, вооруженных вторжений, массовых депортаций и оккупаций. Достаточно сказать, что одно из первых исторически подтвержденных сражений — битва между финикийскими и греческими флотами — произошла именно у берегов современной Албании. Вообще эллины господствовали на этих берегах аж два с половиной тысячелетия — до тех пор, пока на каменный мол Эпидамноса (современный город Дуррес) веселой гурьбой не высадились римские легионеры. Эллины не очень обрадовались гостям, полтора столетия вели с ними вооруженную борьбу, и только в 68 году до нашей эры Юлий Цезарь смог официально объявить территорию Албании своей вотчиной. Рабы Вечного города проложили здесь дорогу — знаменитую Виа Эгнацию, которая соединила Рим с Фессалониками и по которой легионы Помпея и Цезаря двинулись на Восток — в Македонию и Малую Азию. Горные теснины полнились раскатистым конским ржанием, надсадным скрипом повозок, властными криками центурионов, и казалось, потоку этому не будет конца, как не будет конца владычеству Вечного города над

остальным миром. Но это только казалось.

Минуло несколько веков. Великая Римская империя распалась на Восточную и Западную, и как раз в это время на Балканы ворвались, неся с собой насилие и разрушение, сыновья холодной Балтики — готы. В 535 году новой эры император Юстиниан восстановил здесь власть Византии, но ненадолго: на смену «сыновьям холодной Балтики» сюда поспешили славянские племена сербов и болгар. Борьба славян с Византией завершилась тем, что в IX веке почти вся территория Албании вошла в состав первого Болгарского царства, а в 1014 году цареградский император Василий II, перебив болгар, в очередной раз осенил Албанию византийским державным скипетром. В 1081 году на албанский берег взошел норманн Робер Гискар с дружиной, следом за ним эти берега посетили венецианское войско, полки династии Анжу из далекой Франции и династии Гогенштауфенов из не менее далекой Германии, потом кто-то еще, и наконец в XIII столетии территорию Албании, или как тогда ее называли, Арберии, поделили между собой Эпирский деспотат, Сицилийское королевство и Болгарское царство. Правили они, правда, недолго. В середине XIV века Арберию захватил сербский король Стефан Душан, после смерти которого арберийскими гаванями и приморскими долинами завладела Венеция, и в

конце концов в начале XV века на эту древнюю землю пришли турки, которые хозяйничали здесь вплоть до нашего столетия. Только в 1912 году страна обрела независимость, да и то в результате интриг и из-за беспорядочно проведенных границ едва ли не половина албанских земель очутилась в составе Сербии и Греции.

А буквально через два года албанские горы стали местом кровопролитных боев между войсками австро-венгерских монархов, итальянского двора и Французской республики.

Ну, а 7 апреля 1939 года, за 144 дня до официального начала Второй мировой войны, в небе над Албанией загудели моторы шестисот боевых самолетов, в албанские бухты вошли сто семьдесят три военных корабля, и на берег высадились сорок тысяч солдат и офицеров великой армии дуче. В этот день береговая и дальнобойная артиллерия албанской армии не сделала ни единого выстрела: орудия оказались без затворов, королевские войска не оказали агрессору практически никакого сопротивления, и только капрал Муйо Ульчинаку встретил «макаронников» пулеметными очередями, да весенний ветер с гор бил в загорелые под абиссинским солнцем лица берсальеров, шевеля черные перья на их шлемах и напрасно стараясь остудить их чересчур горячие головы...

День 7 апреля вошел в историю этой страны как день национального унижения и позора.

Две с половиной тысячи лет на земле Албании длились бесконечные войны. За это время лишь считанные десятилетия страна была независимой. Нужно ли после этого удивляться, что призыв «великого вождя» защищаться от агрессоров собственными силами встретил такой горячий отзыв у его соотечественников. Можно, конечно, назвать строительство дотов, о котором шла речь, явлением совершенно абсурдным и по-хорошему посмеяться над албанцами, однако спросим себя, вспомнив Понтия Пилата: «А что есть абсурд?» И не посмеются ли в свою очередь албанцы над нами, жителями Белоруссии, узнав, что белорусы в своем большинстве не заинтересованы в сохранении независимости белорусского государства. Хотя, честно говоря, смеяться тут не над чем. Скорее всего, наши бывшие братья по соцлагерю, узнав про такое, изумятся и с недоверием покачают головами.

АЛБАНСКАЯ ВЕНДЕТТА

О том, что Албания страна маленькая, глухая и к тому же затравленная коммунистами, знают многие. Знают также, что на протяжении нескольких десятилетий она «дружила с Китаем и

бранила Советский Союз». А вот о том, что албанцы один из самых древних европейских народов, прямые потомки древних иллирийцев, знают только сведущие в истории люди.

Правда, если уж говорить о топонимике, то самого названия «Албания» в албанском языке нет (так же, как нет «Венгрии» в венгерском языке). Албанцы называют свою страну Шчиприя, что можно перевести как Страна орлов («шчипе» по-албански «орел»). В этом поэтичном названии отразился не только горный рельеф Албании, но и свободолюбивый характер ее жителей. Предания связывает такое название с царем Пирром, который, одержав в одной из битв победу, назвал своих воинов-иллирийцев «шчиптарами» — сыновьями горных орлов. Но это лишь красивая легенда. На самом деле в древние времена страну называли Арберией — по названию одного из иллирийских племен. С течением времени Арберия превратилась в Албанию: под таким именем она и вошла в европейский языковой обиход, и только на рубеже XVII–XVIII столетий возник новый этноним — «шчиптары» (от албанского «шчиптой» — говорить понятно). Называя себя шчиптарами, то есть сородичами, говорящими на понятном языке, албанцы отличали себя от завоевателей-османов.

Общая численность шчиптаров, по нашим подсчетам, достигает семи миллионов человек. В

самой Албании живет три с половиной миллиона, более двух миллионов — в Косово, около 0,9 миллиона в Македонии и не менее восьмидесяти тысяч — в Греции (главным образом, в прилегающей к албанской границе области Чамерия). Это что касается албанцев, которые проживают на своих этнических землях. Но значительная их часть рассеяна по свету, и сравнить это рассеяние можно разве что с армянским. Причины тут известны: непрерывные войны, экономическая отсталость края и, самое главное, — отсутствие жизненного пространства. Две трети и без того небольшой территории Албании заняты горами. Не утомляя читателей перечислением стран, в которых живут албанцы, назовем одну из них, Италию, куда они переселились в XV веке, спасаясь от турецкой неволи.

Несмотря на неблагоприятные условия исторического бытия, потомкам иллиров удалось сохранить свои отличительные национальные черты. Они избежали эллинизации, романизации и поголовной исламизации, хотя, разумеется, и Рим, и Византия, и Стамбул в свое время серьезно повлияли на их формирование как нации, а также на экономическую и общественно-политическую жизнь страны. Отражение этих влияний можно наблюдать в языке албанцев, в котором аккумуляровано множество латинских, греческих,

тюркских и славянских элементов. Скажем, такие слова, как «штег» (стежка), «бисед» (беседа), «брэг» (берег), «стрэх» (стреха), «кос» (коса), «кош» (лукошко, ковш), «вишня» (перевод не требуется) — очевидные заимствования у братьев-славян. И, погружаясь в недра албанской лингвистики, предложу еще одно слово, которое хоть и не имеет славянских корней, но, надеюсь, сразу запомнятся читателю. А именно: белорусское «да пабачэньня» по-албански звучит точь-в-точь как русское «мир упавшим». Так что, уважаемые, когда доведется встретиться с албанцами, скажите им это на прощание. Пусть знают, что белорусы — нация во всех отношениях образованная и что мы владеем не только родным языком, но кое-что можем сказать и по-албански.

В заключение нашего небольшого лингвистического экскурса отметим, что албанский язык распадается на два основных диалекта: тоскерийский и гегерийский. Тоски (жители юга страны) и геги (живут на севере) отличаются друг от друга не только своим языком. У северных албанцев еще в начале нашего столетия сохранялась родо-племенная организация (у тосков она исчезла в первой половине XIX века), еще в нашем столетии сохранялось деление на племена, а в труднодоступных горных районах мужчины убивали друг друга, совершая патриархальный

обряд кровной мести.

Гегерийская вендетта была настолько распространена, что даже отразилась на облике Северной Албании. В горах Великой Мальсии по сию пору стоят каменные башни с узкими щелями бойниц вместо окон, в которых некогда прятались «дьяксуры», потенциальные жертвы кровавой вендетты. Годами дьяксуры жили в этих каменных кулах¹ в постоянном страхе за свою жизнь, выходя оттуда только ночью: согласно неписаным правилам кровной мести, своего врага нельзя было убивать после захода солнца. А тем временем их жены, живя рядом с мужниными «крепостями», вели хозяйство, пахали землю, растили детей. Патриархальный обычай вендетты привел в конце концов к установлению в Гегерии своеобразного матриархата. Эта напасть — именно так можно охарактеризовать кровную месть — приобрела такой размах, что во многих районах было уничтожено до сорока процентов мужского населения.

Власти во все времена боролись с этим рудиментом далекого прошлого. В межвоенный период, согласно указу короля, любителей

¹ Кула — каменная башня в два или три этажа с бойницами.

кровавых разборок карали смертью; тем не менее в горах гремели выстрелы, лилась кровь дьяксуров, и только апрель тридцать девятого года поставил точку в многовековой драме, одновременно начав другую, еще более кровавую. И если говорить о невзгодах последней войны, то Албания в этом смысле пострадала не меньше Белоруссии. И каждый албанец, услышав о деревне Борова, вздыхает с той же горечью, что и мы, когда слышим о Хатыни.

...Шестого июля 1943 года по горным дорогам префектуры Корча ползла, растянувшись длиннющей змеей, одна из многочисленных немецких автоколонн. Немцы направлялись из Македонии в Грецию, и на одном из перевалов колонну обстреляли партизаны. Гитлеровцы выскочили из машин, залегли в придорожных кустах и, постреляв ради приличия, двинулись дальше, не забыв уничтожить по дороге жителей ближайшей албанской деревни Борова. В тот день сто семьдесят невинных людей — женщин, подростков и младенцев — полегли мертвыми возле своих домов и на пыльной деревенской улице. Не успокоившись на этом, нацисты перестреляли все живое: собак, кошек и скот. После того, как была уничтожена Борова, а вместе с нею и сотни других деревень, албанцы уже не стреляли друг в друга по причине кровной мести: вендетта

стала историей, о которой сегодня им даже стыдно вспоминать.

ГОРОДА И ГОРЫ

Если взглянуть на карту Албании, то первое, что бросается в глаза, это половодье коричневой краски различных оттенков, увенчанное точками горных пиков и раскроенное синими жилками рек. Пропasti и каньоны, головокружительной высоты перевалы и глубочайшие расселины, в которых по три минуты звучит эхо, выглядят на карте как нечто плоское, доступное, и нам, жителям зеленой равнины, трудно представить себе те вознесенные к небу громадины, те необозримые горные цепи, которые, словно бурное море, переваливаются с боку на бок, наползают одни на другие, образуя пенистые буруны — снежные шапки гор с зацепившимся за них белым «кужелем» облаков. Нам трудно представить прохладу горных рассветов, шум разъяренного потока после ночной грозы и утреннее солнце, которое карабкается по склону усыпанной маками горы, насквозь просвечивая их огненную красноту.

Однако горы для албанцев — это не просто голые скалы или заросшие ясноглазым маком известняки. Горы — это сама жизнь, и неслучайно с каждой более-менее знаменитой вершиной в

албанских горах связано какое-нибудь романтическое предание. А есть в Албании и просто священные горы, к вершинам которых вот уже много веков идут поклониться поднебесным богам поколения шчиптаров.

Для иллиров гора Томори была тем, чем был Олимп для древних греков, — местом жительства языческих богов. В средневековье, ища заступничества святых угодников, на вершине Томори построили свои часовни христиане, в семнадцатом столетии им на смену туда пришли мусульмане, и во все времена народные поэты и музыканты посвящали Томори свои стихи и песни, называя гору символом страдающей Отчизны.

А с середины сороковых годов нашего столетия — со времени, когда власть в стране захватили коммунисты, — паломники все реже и реже взбирались по обрывистым склонам святой горы, а сама гора лишилась своего имени, получив казенное название пик Партизан.

Коммунисты в других странах не очень жаловали «святые места», а в стране горных орлов они их вообще «ликвидировали»: в 1967 году правительство объявило Албанию «первым атеистическим государством в мире» и практически запретило любую религиозную деятельность. 2169 мечетей, костелов и церквей были одновременно закрыты и превращены в склады и клубы; попы,

ксендзы и муллы были репрессированы либо привлечены к «общественно-полезному труду», а на склонах святой горы албанская молодежь выложила валунами огромные буквы лозунга «LAVDI PPSH!»²

Сегодня этого лозунга уже нет. Сегодня с высоких минаретов опять кричат муэдзины, призывая верующих к молитве, кафедральный собор в городе Шкодере снова звонит во все колокола, а к Томори вновь идут паломники, чтобы с ее вершины поблагодарить своего Бога за счастье жить на этой чудесной земле.

Мы бы, видимо, ничего не сказали о Шчиприи, если бы не упомянули еще одну гору, контуры которой можно часто встретить на туристических буклетах и рекламных фотоснимках. Гора эта не так уж и высока по албанским масштабам (высота 1612 метров), на этой горе никогда не жили языческие боги, однако она, безусловно, самая известная в стране. Ибо у подножия Дайти — так называется эта знаменитость — раскинулась албанская столица Тирана.

Дайти ласкает взор в любое время и в любую

² «LAVDI PPSH!» — «Слава АПТ!» (Албанская партия труда).

пору года. Особенно красива она в предвечерние часы, когда солнце прячется за горизонт, а ее вершина, озаренная солнечными лучами, розовеет на синем фоне неба, обретая совершенно сказочный вид. Ну, а когда солнце совсем погаснет и контуры гор сольются с чернотой южного неба, на Дайти загорается горсть ярких огней. Огни горят так высоко, что их легко можно спутать с далекими созвездиями, и зажигает эти огни ГЭС «Селита» — первая электростанция, построенная албанцами в годы послевоенной индустриализации. Мощность ГЭС — пять тысяч киловатт — по нашим меркам ничтожная, но тот, кто знает Албанию и знает, что собой представляла эта страна после войны, воспримет число 5000 не иначе как с чувством глубокого удовлетворения.

Оригинально и конструктивное решение самой станции. Вода к ее турбинам подается по туннелям от истоков горной реки Селиты, причем перепад высот составляет около одного километра, а потом кристальная влага течет по трубам в город для нужд населения. Таким образом была решена проблема городского водоснабжения: до войны водопровода в Тиране практически не было, и жители пользовались мутной водой из колодцев.

Сегодня только каскад на реке Дрин вырабатывает полтора миллиона киловатт-часов электроэнергии в год, что дает возможность

экспортировать ее в соседние страны, но и маленькая станция Селита, прилепившаяся к склону самой известной албанской горы, тоже работает и мерцает во тьме огнями, похожими на небесные звезды.

С вершины Дайти Тирану видно как на ладони. Город, равный по численности жителей нашему Бресту, лежит в межгорной котловине, прикрывшись от горячего балканского солнца зеленью платанов, акаций и мимоз и ошестинившись острыми копьями минаретов.

В облике албанской столицы ярко отразилась история страны, и потому в нем удивительно сплелись старые восточные и новые европейские черты. Вот там, справа, где находятся кварталы старой Тираны, видны приземистые, сложенные из необожженной глины домики, видны округлые, потемневшие от времени крыши мечетей и обычные для восточных пейзажей глухие каменные стены. Если же взглянуть налево, на громаду с полукруглыми окнами, которая завершает перспективу главной городской артерии — бульвара Национальных героев, то в ней легко узнать имперский стиль времен последнего итальянского императора Виктора-Эммануила. Ну, а в кирпичной постройке с античными колоннами, которая прибилась к подножию Дайти и в которой размещена киностудия, проступают черты

знаменитого сталинского ампира.

В начале двадцатых годов немногочисленные путешественники и дипломаты, которые навевались в Албанию, описывали Тирану как пыльный городок с единственной мощеной улицей. Имидж пыльной глухомани не очень подходил главному городу европейского государства, и в конце тех же двадцатых молодой албанский король Зогу взялся приводить в порядок свою столицу. Были заасфальтированы центральные улицы, на окраине города построили шикарный королевский дворец, а в центре — здания банка и министерств, которые вместе с мечетью Хаджи Этхем-бея и старой башней с часами составили архитектурный ансамбль площади Скандерберга.

С течением времени Тирана превратилась из городка в город, однако превращение это шло крайне неторопливо: в 1939 году итальянские оккупанты насчитали в ней всего сорок тысяч жителей. Потомки римских легионеров не ограничили свою деятельность только переписью населения и из-за неосторожно брошенного Муссолини лозунга «сделать из Албании самый ценный бриллиант в имперской короне» развернули в Тиране широкомасштабное строительство. Итальянцами была проложена Виале дель'Империо — двухкилометровая магистраль с комплексом прилегающих зданий: театром, отелем-люкс

«Дайти», стадионом и гигантским сооружением с полукруглыми окнами, о котором уже шла речь и в котором сейчас размещается ректорат университета. Следует заметить, что все эти постройки вкупе с Виа Империя имели очертания ликторского топорика — символа фашистской Италии. Правда, в наше время, если с высоты взглянуть на город, этих очертаний не увидеть: на бульваре Национальных героев, как теперь называется Виале дель 'Империо, албанцы возвели ряд новых монументальных зданий, рядом построили квартал «1 Мая», и «фашистская секира», таким образом, исчезла из поля зрения.

Построенный итальянцами бульвар стал для жителей Тираны тем, что на нашем юношеском сленге называется «бродом», то есть местом вечернего моциона. Но если у нас вечерами по улицам прогуливаются в основном молодые люди, то в Албании подышать вечерней прохладой выходят целыми семьями. Для тиранцев это своеобразный ритуал: пройтись по теплomu от дневного зноя асфальту, встретиться с друзьями или знакомыми, поболтать с ними о жизни, посетовать на цены в магазинах, прикинуть, взглянув на небосвод, какая завтра будет погода. Вечерами бульвар Национальных героев всегда заполнен людьми, однако — удивительное дело — не успеют городские часы на башне пробить десять

раз, как «брод» мигом пустеет. Тиранцы рано ложатся спать, и эту традицию сразу же замечают зарубежные туристы, которые по ночам проводят время на террасе отеля «Дайти».

Внешне Тирана напоминает сегодня наши города: на улицах те же переполненные немецкие автобусы с размалеванными боками (свидетельство того, что в Германии их довольно долго эксплуатировали), те же потрепанные «вольво» на обочинах, реклама банков на перекрестках дорог и стенах домов — как раз там, где еще совсем недавно висели славопеня в честь партии. И все-таки есть существенная разница между Тираной и нашими городами, а именно: на том месте на бульваре Национальных героев, где еще недавно возвышался памятник Ленину, теперь возвышается куча щебня, где любят играть тиранские пацаны. Приведенный факт говорит о том, что албанцы в своем понимании проблем пошли значительно дальше белорусов...

Еще недавно жители албанской столицы очень гордились пятнадцатипятиэтажным отелем, который был построен в 1979 году и посмотреть на который приезжали люди со всей Албании. Сегодня этот «небоскреб» кажется игрушкой в сравнении с махинами четырехзвездочных отелей, которые возводят на противоположном конце все того же бульвара кувейтские строительные фирмы. И нет

сомнения, что через несколько лет Тирану будет попросту не узнать, и она обретет наконец черты европейского города.

Албанские города подобны горам: у каждого свой колорит, своя историческая и архитектурная неповторимость. С историей, правда, возникают определенные проблемы. Ну, с Тираной все ясно: город основан в 1614 году и на следующий год отметит свой 380-й юбилей. А кто назовет даты основания Дурреса, Эльбасана, Гирокастры или Берата? Никаких документов об этом не сохранилось, да и кто мог оставить эти документы в VI–V веках до новой эры, когда, как считается, на месте названных городов возникли первые поселения.

Возникновение города Берата, в частности, связывают с легендарной личностью Ореста, сына Агамемнона, который, покинув сожженную Трои, долго скитался по свету, пока не пришел на землю иллиров и не положил тут первый камень в фундамент нового города.

Берат лежит на берегах стремительной реки Осуми, причем на левом берегу бератские дома и домишки теснятся на склоне крутой горы, И, если посмотреть на них с другого берега, создается впечатление, что каждый выше расположенный дом стоит на крыше того, что пониже. Городские здания, в которых, как правило, живет одна семья,

двухэтажные, и при этом верхний этаж имеет особый выступ.

Но город интересен не только домишками, которые сидят на склоне горы, словно футбольные болельщики на трибуне для зрителей. Есть здесь и примечательные памятники зодчества: остатки цитадели XIII века, каменный мост через Осуми, построенный в XVIII веке Курд-пашой, православная церковь св. Марии Влахернской с чудесными фресками Онуфрия из Неокастры, албанского художника, который жил во второй половине XVI века и писал в поздневизантийском стиле.

Что же касается конфессиональной принадлежности албанских верующих, то примерно семьдесят процентов из них исповедуют ислам. Геги в основном мусульмане-сунниты, а тоски — приверженцы бекташизма.³ Двадцать процентов верующих — православные, и десять — католики, главный собор которых находится в северном албанском городе Шкодере.

Шкодер — старый хозяйственный и

³ Бекташизм — оппозиционное по отношению к ортодоксальному суннизму религиозное течение ислама. С 1905 г. и до конца Второй мировой войны центр бекташизма находился в Албании.

культурный центр Гегерии. Лет ему не меньше, чем Берату, примечательными образцами зодчества он также не обделен, и самый известный из них — Розафа, крепость, о которую в свое время дробили зубы многочисленные завоеватели, в том числе турецкие султаны. В основании твердыни лежат каменные плиты времен иллирийцев, в древности ее достраивали римляне, потом византийцы, наконец, венецианцы. Со строительством Розафы связано множество легенд, и одна из них объясняет происхождение названия.

Крепость, как свидетельствует легенда, строили три брата. Но все то, что они выстраивали за день, ночью разрушали боги. И тогда один мудрый старик посоветовал братьям принести в жертву одну из жен — замуровать ее в стене, чтобы таким образом умиловить богов. Почесали братья затылки, повздыхали и в конце концов решили: про уговор никому ни слова, и пускай судьба сама определит, которой из трех жен быть жертвой. А уговор простой: какая из них первой принесет им утром завтрак, той и быть замурованной.

Верен жестокому условию остался только младший брат. Только его Розафа не узнала про уговор братьев и следующим утром первой собрала на стол. И случилась великая несправедливость: жену самого честного из братьев замуровали в

стену, хотя за несколько дней до этого она родила сына. В кладке ей оставили небольшое отверстие, чтобы она могла выкормить ребенка, и место это по сию пору можно увидеть собственными глазами. Неподалеку от главных ворот есть щель, из которой вот уже много столетий подряд течет материнское молоко. Даже умники и сомневающиеся, взирая на древние камни, не решаются завести речь об известковой воде, зная, что их словам здесь никто не поверит.

С высокой горы смотрит на город старая твердыня, что носит имя несчастной Розафы. Отсюда, с полуразрушенных башен, все окрестности кажутся миниатюрно-маленькими: узенькой полоской вьется речушка Кири, которая несет свою мутную воду в Шкодерское озеро, мелкими щепками рассыпаны по озерному зеркалу рыбацкие лодки, шустрými муравьями суется в них рыбаки, выбирая из воды сети со знаменитой шкодерской форелью, и окружающий мир кажется безграничным и потрясающе красивым, и слишком короткой кажется человеческая жизнь.

Вспомнив о самом северном городе Албании, мы не можем не вспомнить и про самый южный — Саранду.

Саранда — небольшая по размерам, в ней нет заметных архитектурных памятников, но все, кто побывал на албанском юге, в один голос